

Небо падших

Должен предупредить, что я записал его историю почти тотчас по прослушании ее, и, следовательно, не должно быть места сомнениям в точности и верности моего рассказа. Заявляю, что верность простирается вплоть до передачи размышлений и чувств, которые юный авантюрист выражал с самым отменным изяществом...

Аббат Прево.

«История кавалера де Грие и Манон Леско»

1. Московский вокзал

Боязнь опоздать на поезд — верный признак того, что молодость позади. Было время — и я, вскинув на плечо здоровенный чемодан, в спринтерском рывке мчался, догоняя габаритные огни последнего вагона. А ведь догонял! Догонял буквально за миг до того, как обрывалась платформа и лоснящиеся стальные рельсы, точно змеи, расплзались в разные стороны. Я всегда опаздывал и ни разу не опоздал по-настоящему. Мне даже нравилось, пришпоривая беспечальную застойную жизнь, создавать себе трудности и успешно их преодолевать. Молодость столько сил тратит на придуманные трудности, что у зрелости почти не остается сил на борьбу с трудностями настоящими. Возможно, именно в этом главная драма человеческой жизни...

И вдруг однажды мне разонравилось опаздывать, опостылело с замиранием сердца следить за дробным бегом секундной стрелки и скрежетать зубами, когда флегматичный таксист законопослушно тормозит на красный свет. Я стал приезжать на вокзал заранее и к моменту отправления уже сидел в теплых тапочках на своем месте, терпеливо дожидаясь скрежещущего первотолчка, с которого начинается путь к цели.

В тот вечер я уезжал из Питера на «Красной стреле» после унижительных переговоров с «СПб-фильмом». Мой сценарий

о матери-одиночке, которая — чтобы прокормить детей — стала киллершей, был отвергнут окончательно и бесповоротно. Мне объявили, что в сценарии соплей гораздо больше, нежели крови, а следовательно, фильм не будет иметь кассового успеха. Я спорил, доказывал, что именно обилие соплей, а не крови обеспечивает полные сборы. Я просил особое внимание обратить на центральный эпизод, когда мать-одиночка между двумя заказными убийствами забегает домой — покормить грудью младенца. Я считал этот эпизод шедевром, достойным Люка Бессона. Но продюсер, молодой, коротко стриженный балбес, так не считал. Он совсем недавно пришел в кино из водочного бизнеса, был неумолим и даже собирался взыскать с меня выданный год назад и давно проеденный аванс, если я в течение двух месяцев не сочиню для студии сценарий «забойной» эротической комедии. Продюсер, по слухам, сожительствовал с известной питерской стриптизершей, воображающей себя еще и актрисой. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Он обрадовался так, словно я только что продал ему свою бессмертную душу, он даже простил проеденный аванс и распорядился за счет студии отправить меня домой в спальном вагоне.

На Московский вокзал я приехал за полчаса до отхода и бродил по платформе, ожидая, пока подадут состав. Я думал о том, где взять деньги на ремонт старенькой «шестерки», которую разбила моя жена, поехав за покупками на оптовый рынок. Надо было также платить за дочь, поступившую на курсы визажистов. Холодный мартовский ветер продувал насквозь мой финский плащ, купленный десять лет назад на закрытой распродаже, устроенной для делегатов съезда советских писателей. А ведь я, мысленно распределяя деньги за сценарий о кормящей киллерше, собирался купить себе длинное кожаное пальто с меховой подстежкой. Купил...

Подали состав. Проводница глянула в мой билет и, буркнув: «Первое купе, второе место...» — спрятала его в раскладывающийся планшет с карманчиками. В теплый вагон я вошел первым. Узкий проход устилала ковровая дорожка, а со стены

свисали вечнозеленые пластмассовые растения. Диванчики в двухместном купе были аккуратно заправлены накрахмаленным бельем, испускавшим едкий запах искусственной свежести. В изголовьях, точно наполеоновские треуголки, стояли подушки. Я переоделся в спортивный костюм с эмблемой «Спартака» на груди и меховые тапочки, а стоптанные башмаки вместе с дорожной сумкой из потрескавшегося дерматина затолкал подальше под сиденье. И стал смотреть в окно, для развлечения пытаюсь угадать своего соседа по купе.

Сначала я загадал пышнобородое духовное лицо в рясе и скуфейке, но оно проследовало мимо четким, почти строевым шагом. Затем я помечтал о генерале с огромным животом. Многочисленная свита, состоявшая исключительно из полковников, была с ним столь заботлива, нежна и предупредительна, словно вела военачальника рожать. Но в другой вагон... Был даже момент, когда я вознадеялся провести эту дорожную ночь с юной длинноногой особой. Пьяно покачиваясь, она долго рылась в сумочке. Я подумал о том, что эротическую комедию можно начать с того, как в купе к скромному отцу семейства входит рыжеволосая красотка... Наконец она нашла билет, недоуменно помотала головой и повлеклась дальше вдоль состава. Без одной минуты двенадцать грянул гимн — поезд дернулся и пополз. Когда я уже решил, что остался в одиночестве, дверь купе резко отъехала в сторону: на пороге стоял лысоватый мужчина боксерской наружности. Несмотря на зрелый возраст, одет он был вполне по-молодежному: синие джинсы, вишневая рубашка, черная кожаная куртка и спортивные туфли. Боксер внимательно осмотрел купе, ощупал взглядом меня и спросил:

— Это ваше место?

— Исключительно! — ответил я с достоинством.

Он легко закинул в багажную нишу огромный чемодан на колесиках, поставил на свободный диванчик саквояж из натуральной рыжей кожи, потом отступил в коридор и позвал:

— Пал Николаич! Здесь...

В проеме появился невысокий молодой человек в распахнутом черном кашемировом пальто.

«Павел Николаевич! — сердито подумал я. — Меня в его возрасте никому и в голову не приходило величать по имени-отчеству...» Мне вообще иногда кажется, что мы живем в стране, где власть захватили злые дети-мутанты, назначившие себя взрослыми, а нас, взрослых, объявившие детьми. Потому-то все и рушится, как домики в песочнице...

— Здравствуйте, — сказал мутант весело и звонко, — вам придется перейти в другое купе!

Скажу честно, я человек совершенно неконфликтный, даже уступчивый, но одного просто не переношу — когда мне приказывают. Жена моя, кстати, давно уже это усвоила и никогда не говорит: «Сходи в магазин!» Нет, она, даже если я просто лежу на диване, говорит: «Милый, хочу тебя попросить... Конечно, если у тебя нет других дел!» В следующий миг, отложив все дела, я уже мчусь в булочную с сумкой в руке.

— Толик, помоги, пожалуйста, господину перенести вещи! — не дожидаясь моего ответа, приказал Павел Николаевич боксеру.

И только тут до меня дошло, что Толик — телохранитель. Мне стало не по себе. Конечно, умом я понимал, что нужно обратить все в шутку и перейти в другое купе — ведь подобные обмены местами дело в поезде обычное. Но в душе уже набухало злое, не подчиняющееся разуму упрямство. Если бы он не произнес это мерзкое словосочетание «вам придется», мне, разумеется, пришлось бы согласиться — и эта повесть никогда не была бы написана...

— Товарищ, кажется, не слышит! — высказался Толик.

Я молчал, упершись взглядом в пол. Узкие черные ботинки моего внезапного утеснителя были такими чистыми, точно носил их ангел, никогда не ступавший на грешную землю. Кстати, у мальчишки-продюсера, отвергшего мой сценарий, были такие же дорогие, узкие, без единого пятнышка ботинки.

— Где ваши вещи? Давайте пособию! — предложил телохранитель.

— Я на своем месте и никуда не пойду! — ответил я несколько истерично, но достаточно твердо.

— Не понял! — удивился Павел Николаевич.

— А что тут непонятного? — крикнул я и посмотрел на обидчика в упор.

Лицом он походил если не на ангела, то на студента-отличника из фильма семидесятых годов: румяное круглое лицо, вздернутый нос и большие очки. Но в зачесанных назад волнистых темно-русых волосах виднелась проседь, совершенно неуместная в его розовощеком возрасте.

— Повторяю еще раз: вам придется перейти в другое купе! Толик, помоги господину!

Я обратил внимание, что, сердясь, Павел Николаевич сжимает свои и без того тонкие губы в строгую бескровную ниточку.

— Почему? Вы не желаете со мной ехать? Вы меня боитесь? — спросил я с иронией и пожалел об этом.

Глаза у студента-отличника оказались совершенно свинцовые, а взгляд равнодушно-безжалостный.

— Я никого не боюсь. Толик, не сочти за труд — сходи за проводницей!

Телохранитель ушел, а Павел Николаевич снял и бросил на диванчик пальто, потом дорогой пиджак с металлическими пуговицами, затем развязал изысканный галстук и остался в тонких черных брюках и белоснежной сорочке, обтягивающей наметившийся животик.

«Он и рубашки-то, наверное, в стирку не отдает, просто вечером выбрасывает старую, а утром надевает новую, как женщина — одноразовые трусики!» — с обидой подумал я.

— Вы напрасно уперлись, — с укором проговорил Павел Николаевич, снял очки, и лицо его стало совершенно детским. — Вам все равно придется перейти в другое купе... Я с незнакомыми людьми не езжу.

— Тогда купите себе самолет и летайте со знакомыми!

— Самолет у меня есть. Но сегодня я вынужден ехать поездом, — совершенно серьезно объяснил он.

Явилась проводница. Было видно, что за вмешательство ей уже заплачено или во всяком случае обещано — и немало.

— Гражданин, перейдите, пожалуйста, в другое купе! — потребовала она.

— Почему?

— Потому что молодой человек хочет ехать со своим другом!

— Не перейду!

— Хотите, чтобы вас перенесли? — вяло удивился Павел Николаевич.

— Если вы до меня дотронетесь, у вас будут большие неприятности! — предупредил я.

— Да он пьяный! — показывая на меня пальцем, крикнула проводница. — Предъявите документ! Я сейчас наряд вызову!

— Наряд? Очень хорошо! — Я достал из кармана и помахал в воздухе «корочками» с надписью «Пресса».

Это было удостоверение одной популярной и очень скандальной молодежной газеты, где я вел рубрику «Архивная мышь». Вообще-то удостоверение мне как внештатнику не полагалось, но ответственный секретарь, мой давний приятель, выписал «корочки», чтобы я мог посещать очень дешевую редакционную столовую.

Проводница растерялась: деньги деньгами, а с прессой лучше все-таки не связываться. Журналист ведь вроде смоляного чучелка — потом не отлепишься... Она пообещала договориться с пассажирами из другого купе и ушла.

— Не люблю журналист! — весело сообщил Павел Николаевич. — Продажные вы все людишки!

— А вы покупали?

— Неоднократно.

— Ну, меня вы пока еще не купили! И потом, я не журналист, а писатель...

— Писатель? Ну, это еще дешевле. Как ваша фамилия?

— Скабичевский...

— Странно. Мне показалось, что вы — Панаев...

Некоторое время мы молча сидели друг против друга. Телохранитель тем временем аккуратно повесил на плечики одежду шефа и стоял в дверях с каменным лицом, ожидая дальнейших указаний.

— Хорошо, — вдруг прервал молчание Павел Николаевич. — Я даю вам пятьсот баксов — и вы переходите в другое купе. Договорились?

Он махнул рукой — Толик раскрыл дорожный саквояж, извлек оттуда черную сумку-барсетку и протянул хозяину.

«Ничего себе кошелек!» — подумал я.

Мой попутчик небрежно достал из барсетки толстую, перетянутую резинкой зеленую пачку и отсчитал пять столдолларовых бумажек.

— Нет, — ответил я, отводя глаза от денег.

Павел Николаевич молча добавил еще столько же:

— Возьмите, вам же хочется. Смелее! В первый раз всегда страшно. — Он улыбнулся, и на его круглых щеках обозначились трогательные ямочки. Мне и в самом деле очень хотелось. Это была как раз та сумма, какую запросили с меня в автосервисе за полное восстановление «шестерки».

— Уберите деньги! — потребовал я.

— Ладно, отдаю все! — Он бросил на столик пачку и ребячливо подмигнул телохранителю.

— Зачем вы валяете дурака? Вы же все равно мне всех этих денег не отдадите!

— Отдам!

— Не отдадите!

— Конечно, не отдам.

Он надел очки и снова стал взрослым. Ямочки на щеках исчезли, как и не было.

— Зачем же вы тогда издеваетесь?

— Я вас искушал. И вы мне понравились. Давайте лучше выпьем! Толик, будь другом, накрой поляну. Мы тут с господином писателем о жизни побеседуем.

Телохранитель вынул из саквояжа две бутылки красного вина.

— Бургундское. «Кортон гран крЮ фэвле» восемьдесят восьмого года! — сообщил Павел Николаевич. — Очень милое вино. Вообще-то я больше люблю бордо, например «Шато Тальбо» восемьдесят девятого... Но оно капризное: от-

кроешь — и нужно почти час ждать, пока резкость уйдет. Бургундское в дороге предпочтительнее. Или у вас другое мнение?

— А сколько оно стоит? — осторожно спросил я.

— Эх вы! Это про женщину сначала спрашивают: «Сколько стоит?» — а потом пробуют. С вином же все наоборот, сначала пробуют, а потом уже спрашивают: «Сколько стоит?»

Толик между тем вынул закуску: бутерброды с икрой и рыбой, уложенные в пластмассовую коробочку. В другой коробочке оказалась клубника. Потом он взял со столика и посмотрел на свет стаканы, поморщился и унес их прочь.

— К сожалению, бургундских рюмок здесь нет. Придется пить из общепитовских. Уж извините! — с издевательской грустью молвил мой попутчик.

— Переживу как-нибудь.

Толик воротился с другими — чистыми стаканами. Сопровождала его радостная проводница:

— Я договорилась в третьем купе!

— Спасибо, голубушка, за хлопоты, — кивнул Павел Николаевич, — но мы уже подружились... Толик, поблагодари девушку за заботу!

Вернувшись, телохранитель достал из кармана складной нож со штопором, откупорил бутылку и уверенным официантским жестом, несмотря на покачивание вагона, разлил рубиновое вино по стаканам.

— Спасибо, иди спать! — распорядился Павел Николаевич и, глядя вслед уходящему, добавил: — Отличный мужик. Горбачева охранял. Теперь вот со мной. Уже пять лет. Стреляет как бог! А удар!.. И вообще он человек, можно сказать, исторический...

— А вы не боитесь, что он когда-нибудь в вас выстрелит? — ехидно поинтересовался я.

— Нет, не боюсь. Если он даже Горби не пристрелил, то мне бояться нечего. Эти люди стреляют или во врага, или в себя... Станный народ... Кстати, давайте выпьем за русский народ! Знаете, когда все это началось, я думал, через год, мак-

симум через два нас всех на вилы поднимут. Ничего подобного. Наоборот, сын трудового народа Толик меня и охраняет. За народ!

— Нет, за это я пить не буду.

— Почему?

— Из принципа...

— Бросьте! «Человек с принципами» — это всего лишь шадящий синоним к слову «неудачник»...

— Значит, «беспринципность» — всего лишь синоним к слову «преуспевание»?

— Вы со всеми такой вредный или только со мной?

— Нет, не со всеми. Но если бы народом был я...

— Я бы давно уже был на вилах! — засмеялся Павел Николаевич. — Какой вы злой! Вы, наверное, просто бедный? Но за ненависть мы пить не будем. Выпьем за любовь! Вы допускаете, что такой мерзавец и мироед, как я, способен испытывать это чувство?

— Отчего ж не допустить! Самых трогательных романтиков я встречал в зоне, когда писал очерк к двухсотлетию Владимирского централа.

— Романтика? При чем тут романтика? Любовь добывается из такого же дерьма и грязи, что и деньги. Ее так же, как деньги, легко потерять. Может, когда-нибудь люди будут на кредитных карточках копить не баксы, а любовь...

— Ого! Вы не пробовали сочинять? — довольно ядовито спросил я.

— Пробовал. Даже литературную студию при МАТИ посещал. Стихи писал... концептуальные. Прочитать?

— Потом. А сейчас больше не сочиняете?

— Нет. Знаете, бизнесом, творчеством и любовью у человека ведает одна и та же часть мозга, поэтому среди хороших поэтов не бывает хороших бизнесменов. И наоборот. Кстати, влюбленный бизнесмен тоже не жилец... Вы-то бизнесом пробовали заниматься?

— Никогда.

— И не пытайтесь! Я знал одного сценариста. Он с нефтью связался, да еще втюрился в кинозвезду... Страшная история — нашли с чеченским кинжалом в сердце.

— Я, кажется, читал об этом в газетах...

— В газетах? — Он посмотрел на меня с упреком. — Вы читали, а я хоронил... Давайте все-таки выпьем!

Вино, как и следовало ожидать, оказалось замечательным. Некоторое время мы сидели молча. Я отогнул краешек накрахмаленной занавески: мелькающие столбы отмеривали проносящуюся за окнами ночь.

— Знаете, иногда хочется все бросить, спрятаться в деревне и по вечерам, слушая сверчка, написать книгу... — мечтательно произнес Павел Николаевич.

— О чем?

— О дерьме.

— Из которого все добывается?

— Да. У меня очень много сюжетов. Хотите, я подарю вам один? Настоящий! Не из газет.

— Спасибо, но у меня своих сюжетов достаточно.

— Ленивы и нелюбопытны... А потом еще на читателя жалуетесь!

— Я не жалуюсь... Читатель всегда прав. Критики — другое дело. Учитывая тематику вашей будущей книги, я могу вам дать несколько сюжетов о критиках...

— Да ладно уж... Ничего я никогда не напишу. Мне бумагу марать так же опасно, как сценаристу торговать нефтью... Слушайте, а вы когда-нибудь на заказ писали?

— Конечно. Двум маршалам мемуары сочинил. При советской власти за это неплохо платили. Не то что сейчас...

— Отлично. — Павел Николаевич от возбуждения взъерошил рукой волосы, и сединок у него обнаружилось даже больше, чем показалось мне вначале. — Я заказываю!

— Что вы заказываете? Меня?

— Не надо так шутить. Это не смешно. Вы прекрасно понимаете, что я хочу заказать. Но я не знаю, что может выйти

из моего сюжета — рассказ, повесть, роман... О гонораре не беспокойтесь. Я не жадный.

— Погодите, может быть, мне ваш сюжет еще и не понравится...

— Опять привередничаете!

— Но ведь и вы заключаете не каждую сделку из тех, что вам предлагают, — возразил я.

— Ленивы, но изворотливы. Давайте лучше выпьем!

— За что?

— Теперь ваш тост.

— Тогда — за ту часть мозга, которая не может одновременно заниматься бизнесом и творчеством!

— И любовью! — добавил Павел Николаевич.

— А ваш сюжет про любовь?

— Конечно! А про что же еще?!

Он засмеялся, и на его щеках снова возникли ямочки.

2. Гаврош капитализма

— Ну, не знаю. — Я невольно улыбнулся в ответ. — Может, про первичное накопление!

— Об этом тоже можно целую книгу написать! Эпопею о гаврошах русского капитализма... О тех, кто был ничем, а стал всем!

Павел Николаевич полуприлег на диван, явно устраиваясь для обстоятельного повествования. Я подложил под спину подушку и приготовился слушать. Перестук колес напомнил мне вдруг стрекот оставленной дома пишущей машинки.

— А у вас бывает так, словно вы смотрите на себя со стороны, как на актера, играющего роль? — спросил он.

— Бывает... У психологов есть даже какой-то специальный термин для этого ощущения...

— Во-от! Вы знаете, мне долгое время казалось, что я просто играю главную роль в мыльной опере про богатых, которые плачут, смеются, жрут, трахаются и занимаются прочей жиз-